

ных. Это политический памфлет против автократии, против установления военнбюрократической диктатуры, слегка завуалированный рассуждениями о рабстве и подчинении своим страстям и т. д. Как ни тяжело было положение свободного бедняка, никакого сравнения статуса раба со статусом свободного не могло быть. Абстрагирование от юридического статуса раба совершенно неприемлемо (см. стр. 132, 13). Ведь рабы были не только классом, но и сословием людей, занимавших разное место в производстве и общественной жизни, но объединенных статусом раба.

Несмотря на определенную недооценку рабов как производителей материальных благ, основной вывод автора о постепенном снижении значения рабства в общественных отношениях и в социальных выступлениях совершенно правомерен (стр. 141—142).

Возвращаясь в третьей главе к характеристике ремесленников, Курбатов более подробно останавливается на их тяжелом положении, но не отделяет при этом люмпен-пролетарские слои, которые, по Либанию, занимались нищенством и воровством, от постоянных ремесленников. Объединение всех люмпенов, ремесленников и мелких торговцев в разряд *ordo plebeius* привело автора к некоторому сгущению красок и передржкам. Так, ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что большинство ремесленников не имело даже «домишка». Но ведь это относится к риторам, которых Либаний уподобляет самому низшему разряду ремесленников — штопальщикам обуви, не имевшим ничего, кроме иглы (стр. 144, о них 46,22). Ссылаясь на Либания (XXXI, 11), автор утверждает, что ремесленники были противниками рабовладельческих отношений. Но в источниках нет никаких данных, позволяющих прийти к заключению, что масса свободных ремесленников выступала против института рабства. Наоборот, судя по гомилиям Златоуста, свободная беднота была настроена против рабов, особенно потому, что рабы из челяди могли жить гораздо лучше, чем свободные бедняки. Отношение ремесленников к рабовладельческому обществу лучше всего определяется отношением горожан к варварам. Почему городские массы отчаянно защищали города против варваров? Очевидно, потому, что ремесленник, не имевший земельного участка, связан был с городской клиентурой. Потерять ее означало лишиться средств существования. К тому же в настроениях ремесленников тон задавала наиболее влиятельная их верхушка, имевшая рабов.

Переходя к вопросу о корпорациях, автор указывает, что большая часть ремесленников была неорганизованной и потому бессильной перед производом властей. Только некоторые профессии имели прочные объединения и потому пользовались определенной влиятельностью.

Курбатов подробно анализирует социальный смысл демагогии Златоуста, лицемерно выступавшего против излишества богачей и стремившегося внушить массе ремесленной бедноты мысль о необходимости примириться с тяжелой участью трудящегося. В то же время через институт простасии осуществлялся рост зависимости большого числа ремесленников от церкви. Автор отмечает развращающее влияние на отдельные прослойки бедноты подкармливания их в политических целях церковью и богачами.

В заключении этой главы Курбатов приходит к важному выводу о том, что если на Западе крупное землевладение полностью овладело слабым городом, то в Византии, где было сильно ремесло и торговля, эксплуатацию горожан можно было проводить только с помощью государственной власти; эксплуататорские слои — крупные землевладельцы и чиновная аристократия, цепляющаяся за должности, вынуждены были сплотиться. Это определило специфику дальнейшего развития Византии. Между двумя прослойками знати стала усиливаться борьба, причем каждая из борющихся сторон старалась опереться на определенные слои широких масс.

В 4-й главе Курбатов разбирает сущность политической борьбы в городах IV в. Автор приписывает Либанию взгляд на Римскую империю, как на союз управляемых местной знатью городов под объединяющей властью императора. Либаний не сомневается в исконном праве курии располагаться в городах (стр. 171). У него нет понятия «гражданин империи», для него родина — это город, о пришлых он говорит так, как бы вовсе не было закона Каракаллы.

Автор соглашается с известным положением о том, что Римская империя была союзом городов. Но едва ли это положение можно считать правильным: никаким суверенитетом города не пользовались. При господстве рабовладельческого класса в целом муниципальное самоуправление было только формой разделения этого господства между отдельными его прослойками, оформленными в виде сословий, и их прав над населением. Лишь в IV в., в эпоху кризиса рабовладельческого строя, сословная власть сменялась военнбюрократической формой господства рабовладельческого класса.

По мнению автора, до середины IV в. существовало единство «народа» и курии. Вряд ли можно согласиться с этой теорией: не единство, а полное господство местной знати над населением города являлось политикой Римской империи. К тому же сам автор критикует идеализацию Либания Розенталем, который рассматривал его как народного трибуна, борца против притеснений народа как со стороны чиновников, так и куриалов. Для курии, интересы которой защищал Либаний, характерно было вы-